

Последняя операция Кости Иванова

Последняя операция, которая выполнялась под руководством командира взвода отряда «Сатурн» Константина Васильевича Иванова, началась относительно успешно. Я с Костей отрывал под рельсом шурф, в который мы заложили все пятнадцать килограммов тола, а Володя страховал нас. Как всегда, электродетонатор опустили в заряд, скрученные проводники на рельс. Слышится шум поезда, идущего со стороны Витебска. Спешим в укрытие и бросаемся на землю, но... Взрыва нет. Шум поезда стихает. До боли обидно, что мина отказала. Видимо подвел электродетонатор, который был последним в нашем запасе.

Надо искать другой способ: я извлекаю из вещмешка отрезок детонирующего шнура с капсулями-детонаторами на обоих концах, которые должны стать взрывателем. Мы с Володей возвращаемся к полотну; я вижу на рельсе провода — они сплющены, замкнуты. Значит, виноват детонатор. Вставляю один детонатор в отверстие шашки заряда, а другой выкладываю на рельс; замаскировал все, и мы ушли. Часам к трем утра добираемся до Саленок, где у деревни нас встречают соратники. До обжитого нами сарая не дошли метров двадцать, когда раздался взрыв. Мина сработала! Позже Леонтий Цирюльников сообщил, что подорвался воинский эшелон с живой силой, разбит паровоз, одиннадцать вагонов: погибло около трехсот гитлеровцев...

Вечерело... Ефим пригласил нас ужинать; рассчитываем, что в хату, стоящую на отшибе никто не придет. Ужинаем на кухне, дверь во двор заперта. Вдруг слышу шум шагов и вижу в окне силуэты солдат в немецких пилотках. Громкий стук в дверь; Ефим бросается в сени, мы с оружием отходим в заднюю комнату. Группа гитлеровцев из сеней сразу проходит в первую комнату, а двое освещают вторую фонарями и начинают шарить по углам. Но меня с Костей за дверью и Володю за занавеской у окна они не видят. Не дожидаясь, когда нас обнаружат, Костя поднимает автомат, дает короткую очередь и гитлеровцы со стоном падают на пол. Мы с Костей бросаемся к двери, каратели выбегают во двор, занимают позицию за сараем, обстреливают окна и двери хаты. Выход отрезан, звенят стекла. Укрывшись за порогом, мы ведем ответный огонь.

Из комнаты выходит Володя, говорит: «Ребята я ранен». Он держится за живот. Я достаю два индивидуальных пакета (весь наш сан. минимум) и делаю Володе перевязку. У него две раны: одна в живот очень тяжелая, вторая в шею. Володе плохо, но он держится молодцом, хочет участвовать в перестрелке. Костя приказывает ему укрыться в нише стены. Я занимаю место у порога и веду огонь, а Костя обследует противоположные стороны хаты, пытаюсь найти выход. Мы окружены и это последствия взрыва эшелона. У нас есть одна граната и если бросить ее, то можно деморализовать карателей за сараем, вырваться из кольца и скрыться в темноте ночи. Костя решает прорываться через дверь, но как Володя? Сможет ли он побежать? «Я побегу, ребята» — говорит он, угадав наши сомнения. Костя выскакивает из-за стояка двери и швыряет гранату к сараю. Граната падает, но... Взрыва нет. Остаемся в хате.

Под окном вижу Костю: он лежит с запрокинутой головой, горло перебито пулей. Ему уже помочь нельзя. Беру его автомат и спешу к Володе. Теперь нас только двое. Неужели это все? Но должен ведь быть какой-то выход... Кричу на немецком: «Прекратите стрельбу, это недоразумение! Вы бьете по своим, выходите сюда!» — «Теперь давай» — говорит Володя, берет Костин автомат и, собравшись с силами, выбегает из хаты. Я за ним. Темная ночь. Бежим, огибаем сарай, я поддерживаю Володю. Выстрелов в нашу сторону нет, но вспыхнула перестрелка на другом конце дома.

Как выяснилось позже, Ефим в это время спустился с чердака по углу хаты и отвлек внимание от нас. Немцы заметили его и открыли стрельбу, но и ему в темноте удалось скрыться. Торопясь, мы достигли противоположного конца деревни, где Володя в изнеможении упал на кучу соломы. Скинув с себя нижнюю рубашку, рву ее, перевязываю кровоточащие раны товарища. Стрельба в деревне не утихает. Мы бредем в темноте к деревне Зыки, но Володя уже идти не может. Делаю из ремня автомата подобие люльки, взваливаю его за спину и несу. Вот и деревня.

— Крайний дом Леонтия Павлюченкова, — еле слышно произносит Володя. Подхожу, стучу...

— Пойду искать лошадь — говорит хозяйка... Соседка Матрена Береснева ей дала лошадь... В деревне Гончары я останавливаю лошадь у дома, на который указывает Володя. Спрашиваю о враче, но оказывается, он уехал... Только мы отъехали от этой деревни, Володя умер.

На следующий день после того, как я добрался в свой «Сатурн», тело Володи Куриленко партизаны отряда Шлапокова перевезли на телеге в свой лагерь и похоронили его с почетом. Сейчас могила Героя Советского Союза Владимира Тимофеевича Куриленко находится у древней стены Смоленского кремля. В 1970 году в деревне Саленки на месте гибели Константина Иванова пионеры и комсомольцы школы №435 Москвы и Каспьянской средней школы установили небольшой обелиск. Мраморная доска на нем гласит: «Вечная слава Героям! На этом месте в доме Ефима Цирюльникова в неравном бою с гитлеровскими карателями 13 мая 1942 г. погиб Константин Васильевич Иванов командир взвода партизанского спецотряда Воропаева — ОМСБОН и был смертельно ранен Герой Советского Союза Владимир Куриленко».

22 февраля 1942 г. наш «Сатурн» вошел в «треугольник». Мы, 28 лыжников под командованием А.И. Воропаева, в основном, москвичи перешли на лыжах линию фронта и расположились в 40 км от Смоленска, в густой чащобе Демидовского леса. Нас сопровождал, приданный отряду (вероятно, от «Бати») проводник Тимофей Иванович Большаков, уроженец этих мест, отличный охотник и опытный следопыт, который до войны был здесь председателем колхоза. Невысокого роста, крепкий, выносливый, он удивительно хорошо ориентировался и ему были известны все тропинки в глухих зарослях этого леса. Большаков до нас был в деревне Каменка проводником в 350 стрелковой дивизии 4-ой ударной армии. У нас в «Сатурне» его зачислили в отделение разведки; вскоре он стал политруком и оставался им до завершения нашей деятельности на Смоленщине.

Узнав, что северо-западнее Смоленска действуют партизаны соединения «Бати», а его отряд секретаря Каспьянского райкома Георгия Волкова находится недалеко от нас, мы сразу же попытались их найти. Но они, опасаясь неизвестных им лыжников в масхалатах, скрывались от нас. Однажды я и начальник разведки отряда Федор Рядчиков после долгих и безуспешных поисков отряда Волкова зашли в ближайшую к лесу хату в деревне Чача и прилегли отдохнуть. Вдруг стук в дверь и требование: «Откройте!» Хозяин бросился к двери, но Рябчиков попросил его повременить. Нужно выяснить кто это. Те застучали энергичнее, закричали: «Вы окружены!» и по крыше дома пошли пулеметной очередью. Подойдя к двери для переговоров, Федя услышал: «Мы знаем, что вас только двое. Открывайте дверь!» «А вы кто? — спросил Федя. «Мы партизаны», — отвечают те. «Открывай дверь, отец, будь осторожен», — говорит Федя хозяину, и мы, вскинув автоматы, заняли угол хаты готовые ко всему.

В хату вошла вооруженная группа в штатском, остановилась у входа. Дистанция между нами 5-6 шагов, пальцы на спуске автоматов.

— Кто вы? – спрашивает высокий широкоплечий мужчина в барашковой шапке.

— Мы ищем отряд Волкова.

— Я комиссар отряда Волкова — говорит руководитель их группы. Нам сообщили, что появились неизвестные в белых масках и Волков приказал захватить вас или уничтожить.

Не объясняя для чего нам нужен Волков, мы по предложению комиссара отправляемся с ним в расположение Касплянского партизанского отряда... Появляемся у Волкова и Рядчиков сообщает ему, что нам поручено установить с ним связь. Волков обрадовался не меньше нас этой встрече, пригласил к столу. Эта первая встреча с ним состоялась 11 марта 1942 г., а через два дня его отряд обосновался в нашем лесу в двух километрах от нас. После Волкова мы установили связь с партизанскими отрядами Шлапакова, Гришина и др. из соединения «Батя». Они имели нужных нам связных, разведчиков в гарнизонах врага; мы помогали им радиосвязью, взрывной техникой, медикаментами. С их помощью мы осуществляли требуемую центром разведку вражеских объектов в Смоленске, его пригороде и в других гарнизонах.

Планы ведения разведки постоянно уточняли командир «Сатурна» Воропаев Анисим Ильич, комиссар Гармс Анатолий Николаевич, начальник штаба Предтеченский Павел Сергеевич, командир взвода Иванов Константин Васильевич, начальник разведки Рядчиков Федор Степанович. Федор Степанович до войны работал в НКВД, а до прихода в отряд «Сатурн» был в отряде Д.М. Медведева; он обладал опытом руководителя разведки, способствовавшим успеху операций, в которых принимал личное участие. Совершая глубокие рейды по тылам врага с разведчиками, он анализировал работу всех звеньев разведывательной сети. Одним из основных направлений деятельности нашего «Сатурна» была «Абверкоманда 103» со школой радистов (также имевшей наименование «Сатурн»). Она располагалась в Красном Бору (пригород Смоленска) и готовила диверсантов, направляемых в наш тыл.

Переодевшись в крестьянскую одежду, навещала это логово врага наша выдающаяся разведчица Люба Кулакова (чемпионка СССР по лыжам); а ее напарницей в разведке была местная учительница Лида Младова. Неоднократно в Смоленске был с Любой наш разведчик Максим Петров; однажды его схватили гестаповцы и зверски пытали, но не добившись желаемых признаний, Петрова расстреляли 4 марта 1942 г. в деревне Бабни. Помогал Любе собирать сведения о «Сатурне» и опытный наш разведчик, уроженец Демидова Владимир Бородин. Наш радист Холодов Василий Васильевич, накопил бесценный опыт в Арктике, где работал с 1930 г радистом экспедиции. Он обеспечивал бесперебойную связь с Москвой, выжимая невозможное из ограниченных возможностей радиопередатчика «Белка». Для ускорения доставки сведений разведчиков в центр командование решило приблизить до 20 км. к Смоленску базу расположения нашего «Сатурна». Проанализировав возможные варианты остановились на небольшом лесном массиве Жуковский лес, в 20 км. северо-западнее Смоленска. Выбор места для новой стоянки отряда командир поручил группе разведчиков во главе с десятикратным чемпионом СССР по академической гребле Ипполитом Рогачевым. С ним ушли лыжник перворазрядник Владимир Бородин, сержант Александр Суздальев и местный житель Денисов, которого рекомендовали партизаны, как знающего Жуковский лес проводника.

Четверка ушла на лыжах в морозный мартовский день, а через сутки, утром Рогачев и Бородин доложили командиру, что удобное место найдено, что там остались Денисов и Суздальев, которые готовят стоянку и встретят отряд. Поступила команда на сборы — завтра уходим в Жуковский лес. Но неожиданно вечером разведчики

задержали Денисова у края нашего леса в деревне Чернивка с автоматом Суздалева. На вопрос, как он оказался в Чернивке, Денисов ответил, что Суздалева убили каратели, а ему удалось убежать. «Мы грелись у костра в снежной яме, но вдруг появились немцы и выстрелили в Суздалева. Он упал у костра, а мне удалось схватить его автомат, выбраться из ямы и скрыться», — рассказывал Денисов. Объяснение вызвало сомнения о причине длительного пребывания Денисова вне отряда. Выход в Жуковский лес отменили и для проверки обстоятельств гибели Суздалева туда пошли Ипполит Рогачев, командир взвода Костя Иванов, Бородин, я и Денисов, который должен был указать место гибели Суздалева. Для экономии времени нас 15 км до деревни Ополе подвезли (в отряде был конный транспорт).

Когда стемнело, мы пошли на лыжах, обходя стороной деревни, хутора, оставляя обратную дорогу «чистой» (без лыжни). В стороне остались деревни Душатино и Тепено, в которых обосновались полицейские. Шли по карте; мне доверили обязанности штурмана. Надежным ориентиром сверкали звезды на зимнем небе. Денисову оружия не дали, он шел «налегке» и мог поспевать за нами, опытными спортсменами-лыжниками. Скольжение было хорошим, вспоминалось Подмосковье, лыжные походы, соревнования. Но автоматы за спиной, тревожная ночная тишина и короткие остановки для уточнения курса возвращали к действительности. Прошли часа три, овраги перелески остались позади, впереди ровное поле и полоска леса. Вошли в гущу леса; здесь темнее, привыкли к темноте, заскользили быстрее, лавируя между деревьями. Попадают поленицы дров и в их укладке видна немецкая аккуратность. Значит, гитлеровцы здесь бывают...

Куда же ведет нас Денисов? Не нарвемся ли на засаду? Нервы напряжены до предела. Наконец, вышли на заснеженную лыжню; всматриваюсь в просветы между деревьями и неожиданно вижу в середине поляны вытопанную в снегу яму. Молча подходим к краю ямы. В центре ее потухший костер с опрокинутым котелком, на краю ямы лежит наш Саша так, как мы привыкли его видеть: в телогрейке, армейской шапке со звездочкой. Снимаем шапки, молчим... На душе тревожно, взгляд обегает поляну. Следов карателей нет, снег чистый нетронутый, только наши следы лыж с той стороны, откуда мы шли. Ясно, что выпавший снежок не скрыл бы следов, если бы здесь были каратели. Молчание нарушил Ипполит: «Быстро все осмотреть». Володя Бородин не спускает глаз с сидящего у дерева Денисова.

Я с Костей подхожу к телу убитого, вижу (как сейчас) спокойное лицо Саши и три пулевых отверстия на лбу у виска. Сомнений нет: Суздалев убит спящим. Убийца видит, что мы убеждены в его преступлении, молчит, но вдруг начинает изворачиваться:

— Я нечаянно в него выстрелил, когда перезаряжал пистолет.

— А почему три пули? Пистолет не автомат — спрашивает Ипполит;

— Что-то с ним случилось, пистолет дал очередь.

— Вранье, расскажешь все — говорит Костя.

Укрыв тело Суздалева в глубокой снежной могиле, мы собираемся уходить. «Прощай, дорогой товарищ», — говорит Костя, не спуская глаз с Денисова.

Что ожидало отряд, если бы пришли сюда? Неизвестно. Осмотрев все вокруг и не найдя ничего стоящего внимания отправляемся в обратный путь. Приближается рассвет, спешим. Идем, отталкиваясь палками, укрываясь в складках местности, используя для маскировки каждую рожицу, кустарники, группы деревьев. Вот, наконец, Ополе, где нас давно ждут товарищи с лошадьми. Что же заставило предателя убить

Сашу? Денисов долго изворачивался, наконец, признался, что его попросил родственник добыть любым образом автомат и посулил щедрое вознаграждение. Больше ничего он не сообщил и был расстрелян.

Деятельности нашего «Сатурна» препятствовал близкий немецкий гарнизон в райцентре Каспля. Там обосновалось около 600 гитлеровцев, окружающие деревни тоже были переполнены полицейскими. Каратели устраивали засады, сковывая деятельность нашей агентуры. Форпостом Каспли в семи километрах от нашего леса был гарнизон в большом селе Лосени и наше командование решило его разгромить. Но весной 1942 г. бурное таяние снега превратило наш участок Демидовского леса в непроходимую топь; лагерь «Сатурна» оказался на острове среди болот. В это половодье гитлеровцы вели себя спокойно и полагали, что мы тоже не будем покидать свой лес. Однако наш командир, А.И. Воропаев не разделял их убеждение.

Операцией по разгрому гарнизона Лосени командовал Ипполит Рогачев; было нас всего 9 партизан. Пошли по спешно созданным кладкам, преодолевая водный рубеж, отделявший лагерь «Сатурна» от «Большой земли». Проваливаясь в набухшие весенние сугробы и преодолевая болотистые завалы, вышли к Акатовскому озеру. Уже казалось, что мы преодолели основные препятствия на пути к Лосени, но неожиданно дальнейшее продвижение затормозила переполненная тальми водами река Сведица. Наш командир, мастер спорта по гребле Рогачев указал на стоявший у ее берега сарай с громадными деревянными воротами и громогласно промолвил: «Отличный плот!». Не без труда мы сняли с петель «отличный плот» и спустили его на воду. На него попытались взойти, но плот превратился в подводную лодку. Переправлялись по двое, по колено (а иногда и выше) в воде, отталкиваясь от дна шестами, балансировали, оберегали оружие.

К вечеру мы подошли к реке Каспля. На нашем берегу лес, но на противоположные леса нет. В полукилометре от берега деревня Воробьи, у нас там друзья, но правее (ниже по течению) большая деревня Бакшеево, где есть предатели и часто бывают каратели. Обычно узкая и спокойная река Каспля разлилась на пол километра, залив низкий противоположный берег, занятый врагом. Раздобыли для переправы одну лодку-долбленку, решили переправляться на тот берег ночью. На отдых расположились в домике около разрушенной льняной фабрики «Блонной». Фабрика мертва, но домик с ней рядом необычно оживлен. В нем обосновался старик Богачев Герасим Агафонович («дед Гераська» в народе); он рад нашему приходу, угощает нас картошкой, молоком, а мы его нашими лесными припасами.

Дед Гераська старается нам помочь, сообщает сведения о гарнизоне Лосени. Вдруг он идет к стоящему в углу шкафу и достает оттуда... скрипку. Улыбаясь, он бережно обтирает ее, поднимает к плечу и из-под смычка раздается родная русская мелодия, наполнившая нежностью домик у берега реки Каспли. Мы притихли, слушаем, думаем о далеком и мирном... Апрель 1942 года... Скоро начнем переправляться через разлившуюся холодную реку Каспля. Полночь. Пора! Спускаемся к реке... В лодке три бойца с полным снаряжением, и она глубоко оседает в воду, борта на ладонь от воды. Мне, спортсмену-альпинисту не впервой лавировать между несущимися льдинами, балансировать приходилось (неоднократно переправлялся через Москву-реку на неустойчивой спортивной лодке). Но здесь все сложнее. «Не утопи пулемет, запасного нет», — предупреждают соратники. Орудяя веслами, пытаюсь не раскачивать лодку, увертываюсь от несущихся льдин. Удастся. Вот и берег, первый, а затем второй десант высажен.

В следующих ездах мастер спорта по гребле наш командир Рогачев ювелирно поработал веслами; наконец, все мы стоим на «том берегу».

Для нас река Каспля, почти вторая линия фронта. Переправившись через нее, направляемся в деревню Андрюпы, где в доме Григорьевых нас знакомят с последними сведениями от наших связных и разведчиков из соседних деревень. У Григорьевых узнаем, что гарнизон Лосени сейчас расположен в двух домах: один на окраине деревни, а второй в ее центре. Спешим, нужно затемно подойти к околице. Еле успеваем к началу рассвета; в деревне тихо, часовых не видно, полководье притупило бдительность врага. На окраине деревни разделились на две группы. Группа Иванова, в которую вхожу я, готовится к нападению на часть гарнизона в доме на окраине деревни, а Рогачев со второй группой уходит ко второму дому в центре деревни.

«Быстрее кончайте здесь и немедленно к нам», — приказывает Ипполит. Светает. По указанию Кости Иванова занимаем удобные позиции вокруг крайней хаты. Доголеев и Синохин залегли на огороде с ручным пулеметом, а я и Предтечников с автоматами держим на прицеле окна уличной стороны дома. Опытнейший наш подрывник Костя Иванов подошел к углу дома, заложил под нижний венец сруба четырехсотграммовую шашку тола, вставил в нее запал с коротким бикфордовым шнуром, поджег его и стремительно ретировался. Через несколько секунд мощный взрыв потряхнул избу, как игрушку. Из нее выскакивают ошалевшие полицаи, их уничтожает огонь пулемета и наших автоматов.

После взрыва нашей толовой шашки в центре деревни взорвалась граната и началась перестрелка. Спешим туда и убеждаемся, что группе Рогачева достался более серьезный орешек. Там охрана проявила бдительность, не удалось напасть на них врасплох. Но полицаи под прицельным огнем ручного пулемета Бородина, карабинов Шубина и Фомичева, а Рогачев с автоматом отрезал им путь к отступлению, заняв выгоднейшую позицию перед дверью в хату. Неожиданно из нее, загоревшейся от пулеметных пуль Бородина, выскочил рослый полицай, прыгнул в окопчик перед домом и открыл огонь по Рогачеву. Но спортивная выдержка Ипполита одержала верх: метким выстрелом из автомата он уложил предателя Родины начальника местной полиции Седнева. Огневая мощь девяти омсбоновцев обрушивается на засевших в горящей хате полицаяев. Мы спешили, опасаясь прибытия к ним подкрепления из Каспли, но успели завершить операцию без потерь. Стремительным маршем преодолели обратный путь к реке Каспле, прихватили из сарая на этом берегу вторую лодку и при свете солнца быстро переправились на свой берег. Радостно возвращались в свой лес, выполнив задание командования. Не менее радостно нас встретили командир и товарищи.

*Ипполит Ипполитович Рогачев.
1943 г.*